

**ЕСЛИ БЫ НЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С ВАВИЛОНСКОЙ
БАШНЕЙ, ИЛИ ПОЧЕМУ ВСЯ РОССИЯ
НЕ ЗАГОВОРИЛА ПО-ФРАНЦУЗСКИ***

Рец. на: *Offord D., Rjéoutski V., Argent G. The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History.* – Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2018. – 702 p.

Денис Кондаков

Полоцкий государственный университет,
Полоцк, Беларусь

**HAD IT NOT BEEN FOR THE TOWER OF BABEL,
OR WHY ALL OF RUSSIA WOULD NOT SPEAK FRENCH**

Rev. of: *Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2018). The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History.* Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 702 p.

Denis Kondakov

Polotsk State University,
Polotsk, Belarus

This review analyses *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History*, a book by an international research group (D. Offord, V. Rjéoutski, G. Argent). It deals with the peculiarities of French language use and attitudes towards it in the Russian Empire from Peter I to Alexander II. The book's authors consider the history of French language teaching and determine the functions of French at court, high society, diplomacy, administration, fiction, journalism, private correspondence, diaries, and memoirs. They also examine attacks on gallomania in Russian comedies and novels between the eighteenth and nineteenth centuries. D. Offord, V. Rjéoutski, and G. Argent argue that Russian

* Citation: Kondakov, D. (2020). *Had It Not Been for the Tower of Babel, or Why All of Russia Would Not Speak French.* In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 1051–1062. DOI 10.15826/qr.2020.3.512.

Цитирование: Kondakov D. *Had It Not Been for the Tower of Babel, or Why All of Russia Would Not Speak French* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 1051–1062. DOI 10.15826/qr.2020.3.512 / Кондаков Д. *Если бы не происшествие с Вавилонской башней, или Почему вся Россия не заговорила по-французски* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 1051–1062. DOI 10.15826/qr.2020.3.512.

society, despite the widespread use of the French language, was never monolingual. They claim that the Russian language developed due to active contacts with French and other languages in the political, social, cultural, and literary spheres. Thus, francophonie became one of the crucial factors of Russia's westernisation. Without questioning the relevance and importance of the conclusions, the reviewer points out the underestimation of historical inertia which let the French language shape the cultural image of Russian society until the Revolution of 1917.

Keywords: francophonie; Russian Empire in the 18th and 19th centuries; language use; language attitudes; westernisation.

В рецензии представлен анализ монографии *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History* («Французский язык в России: социальная и политическая история, история культуры и литературы»), созданной международным коллективом авторов (Д. Офффорд, В. Ржеудский, Дж. Арджент). Работа посвящена распространению, особенностям использования французского языка и отношению к нему в Российской империи от петровских времен до конца царствования Александра II. Авторы прослеживают историю преподавания французского языка, определяют его функции при дворе и в высшем обществе, в дипломатической и административной сферах, в художественной литературе, публицистике, личной переписке, дневниках и мемуарах, а также отмечают критическое отношение к галломании в комедиях и романах XVIII–XIX вв. Российское общество, несмотря на широкое распространение в нем французского языка, никогда не было моноязычным, и русский язык развивался благодаря активным контактам в политической, социальной, культурной и литературной сферах с французским и другими языками. Таким образом, франкофония стала одним из определяющих факторов вестернизации России. Не подвергая сомнению обоснованность и значимость выводов, рецензент отмечает, что в исследовании недооценена сила исторической инерции, позволившей французскому языку определять культурный облик российского общества вплоть до революции 1917 г.

Ключевые слова: франкофония; Российская империя; использование языка; отношение к языку; вестернизация.

Представление об особом статусе французского языка в рамках западной цивилизации XVIII–XIX вв. прочно утвердилось в обыденном сознании. Полезно, однако, помнить, что в то время даже самые выдающиеся апологеты французского как международного средства общения сомневались в его универсальности. Вольтер иронично замечал в письме к Екатерине II от 27 мая 1767 г.: «Je ne suis pas comme une dame de la cour de Versailles qui disait: c'est bien dommage que l'aventure de la tour de Babel ait produit la confusion des langues, sans cela tout le monde aurait toujours parlé français»¹ [Voltaire, Catherine II, p. 61].

¹ «Я не таков, как одна дама при Версальском дворе, что говорила: как жаль, что происшествие с Вавилонской башней произвело смешение языков, если бы не оно, все по-прежнему говорили бы по-французски» (перевод автора статьи).

Несколько перефразировав, писатель повторил шутку в повести «Простодушный», вышедшей в свет летом того же года [Voltaire, 1767, p. 16].

Ирония Вольтера скоро забылась, и на феномен франкофонии в позднее Новое время историки и филологи стали обращать внимание лишь относительно недавно. Из работ о влиянии французской языковой культуры на Европу эпохи Просвещения следует отметить труды М. Фюмароли [Fumaroli] и Р. Марковица [Markovits]. Восприятию франкофонии в русской литературе и русском театре XVIII в. посвящены обстоятельные исследования Ю. М. Лотмана и В. Ю. Розенцвейга [Лотман, Розенцвейг], Е. П. Гречаной [Гречаная] и А. Г. Евстратова [Evstratov]. В своей книге «Французский язык в России: социальная и политическая история, история культуры и литературы» Д. Оффорд, В. Ржеуцкий и Дж. Арджент идут дальше предшественников. Применяя междисциплинарный подход, авторы добиваются важных результатов – дают целостную картину употребления французского языка и его восприятия во всех сферах жизни российского общества в определенный период, представляют франкофонию как многофункциональный инструмент международных контактов [Offord, Rjéoutski, Argent].

Понимая, насколько велик масштаб исследования, авторы в предисловии оговаривают его хронологические рамки и сами указывают на лакуны (р. 16–17)², ограничивая рассмотрение проблемы полутора веками – от реформ Петра I до реформ Александра II. Они также не оставляют в стороне вопросы распространения французского языка в среде купечества и духовенства, на прибалтийских, украинских и белорусско-польских землях, в Сибири и на Кавказе. Из поля зрения осознанно выпущено влияние католичества на франкофонию в Российской империи. Названные самоограничения кажутся отчасти спорными, чреватými сложностями и неточностями. Однако они позволили авторам сконцентрироваться на исторически значимом периоде, репрезентативной социальной группе и обозримом корпусе текстов. Этот подход и обуславливает достижения монографии.

Авторы отказываются от хронологического принципа изложения материала в пользу тематического и благодаря этому добиваются предельной фокусировки на изучаемых явлениях, показывая их в исторической динамике и получая детальное знание о них. Построим логику критического разбора подобным образом и мы, условно выделив в книге четыре проблемно-тематических блока: функционирование французского языка в социально-политическом пространстве, французский язык как средство саморепрезентации аристократии в литературных произведениях и эго-документах, употребление французского языка для культурно-политической пропаганды и полемики, отношение к французскому языку в русской художественной литературе.

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Говоря о роли французского языка в социальной жизни, авторы вначале приводят читателя на самую вершину общества – петербургский императорский двор. В этом многоязычном и многонациональном пространстве, устроенном по европейскому образцу, французский язык выполнял по меньшей мере три функции. В «долгом» XVIII в. он был средством саморепрезентации императорской власти. На нем составлялись и публиковались описания коронаций, венчаний, погребений и прочих торжественных событий государственного значения. В этот же период французский язык служил инструментом создания и консолидации придворного сообщества. На нем давались спектакли, велись беседы на балах и в узком кругу приближенных. Наконец, особы императорской крови выбирали французский для домашнего общения, ведения переписки и дневников. При этом авторы замечают, что в частной сфере к французскому языку чаще прибегали государыни – от Елизаветы Петровны до Екатерины II, а цари, начиная с Николая I, все больше идентифицируя себя и семью с государственной властью, чаще выбирали для общения с наследниками русский язык.

Те же лингвистические предпочтения обнаруживаются и в аристократической среде. Привилегированное сословие во многом повторяет языковое поведение императорского двора. Существует, однако, важный нюанс, который, как отмечают авторы, определяет положение франкофонии в Российской империи. Французский язык воспринимается вместе с породившей его аристократической культурой как маркер социальной принадлежности и социальной солидарности. Он неотделим от особого морального кодекса – искусства жить в обществе равных себе, искусства нравиться, быть учтивым без лести и остроумным без язвительности [Craveri; Viala]. Он опосредует специфические для дворянской культуры социальные практики – масонские собрания, салонные беседы, домашние театральные представления и словесные забавы. Эти свойства франкофонии, уже отмеченные в работах Ю. М. Лотмана и Е. П. Гречаной, дают возможность нашим авторам ввести в научный оборот новые источники, расширяя культурный контекст. Важным становится вывод о многоязычии российского дворянства, говорившего не только по-французски и по-русски, но и владевшего немецким, изучавшего итальянский и латынь, интересовавшегося английским.

Существенное значение для понимания условий и целей использования французского языка в Российской империи имеет постулат социолингвистики о симметричном и асимметричном билингвизме. С точки зрения С. Ромейн, процитированной во введении (р. 62–63), никакое общество не нуждается в нескольких языках, выполняющих одинаковые функции. Следовательно, носители этих языков обладают равноуровневыми коммуникативными компетенциями, актуальными в определенном контексте. Эти наблюдения хорошо согласуются с историческими данными об изучении иностранных языков в России. Французский язык, как свидетельствуют документы, ни-

когда не становился абсолютной доминантой в учебных заведениях и пансионах Санкт-Петербурга и Москвы. Педагогический интерес к нему был соизмерим с интересом к немецкому языку. Его систематическое изучение не должно было препятствовать в глазах многих русских аристократов хорошему знанию родного наречия, как это показывает, например, переписка юных А. С. Строганова и А. П. Шувалова с родителями [Заборов]. Вместе с тем, французский язык широко использовался для преподавания других дисциплин: истории, географии, математики, мифологии, литературы.

Блестящими представителями этого типажа – аристократа-полиглота, воспитанного в духе космополитизма, но сохраняющего верность родной культуре, – показаны в книге русские дипломаты. Посланники России за рубежом (Б. И. Куракин, А. Б. Куракин, А. А. Матвеев, И. А. Щербатов, А. Д. Кантемир) были одними из первых, кто стали осваивать новый язык международных отношений в начале XVIII в., использовать его в ведомственной и личной переписке. Эта практика имела не только важное внешнее значение, ознаменовав выход России на европейскую политическую арену. Изучая французский язык, дипломаты и чиновники Коллегии иностранных дел формировали новую терминологию, адаптировали этикетные формулы для родной речи. В условиях доминирования французского языка русский выполнял функцию «секретного кода», передававшего тайную служебную информацию либо сведения частного характера.

Ситуацию, отчасти схожую с дипломатическими делами, исследователи обнаруживают в Академии наук, где французский язык, тесня латынь и соседствуя с немецким, становится средством международной пропаганды научных достижений и образцом для русского языка. В сфере государственного управления, напротив, официальная информация излагается на русском языке, а неофициальное обсуждение государственных решений, в том числе и в присутствии императора, часто ведется по-французски. Об этом свидетельствуют многочисленные цитаты из дневника П. А. Валуева, члена Комитета министров. Исследователи дают этому случаю употребления языка два возможных объяснения. Во-первых, для коммуникации в этнически неоднородном корпусе государственных чиновников был необходим общий язык. Во-вторых, в устной речи выбор языка происходит более свободно, тем более в ситуации, когда границы между профессиональным и светским разговором стираются. Таким образом, авторы утверждают, что французский язык определял культурную и социальную идентичность русского дворянства в государственной управленческой деятельности.

Выводы об истоках, свойствах и функциях франкофонии в аристократической среде могли бы быть более детальными и аргументированными, если бы авторы все же обратились к изучению католического влияния. Непроработанность материала влечет за собой досадные неточности. Так, авторы заявляют, что иезуиты препода-

вали в Санкт-Петербурге уже в конце XVIII в. (р. 149), что неверно: Благородный коллегийум открыл свои двери для первых тридцати учеников 8 апреля 1801 г. [РГИА. Ф. 822. Оп. 11. Д. 911. Л. 5; Rouët de Journal, p. 55]. Среди воспитанников этого заведения были П. А. Вяземский и А. Н. Толстой, А. А. Суворов и А. П. Шувалов, но не было А. Х. Бенкендорфа, вопреки утверждению авторов (р. 305). Будущий начальник III отделения обучался в петербургском пансионе аббата Николя, который никогда не был формально связан с Обществом Иисуса в России [Rouët de Journal, p. 51–53]. Полезно было бы заметить, что разные люди, многократно упоминаемые на страницах книги, скажем, поэт и чиновник И. М. Долгоруков, дипломат и литератор А. М. Белосельский-Белозерский, декабристы И. В. Поджио и А. П. Барятинский, автор стихотворного сборника «Часы досуга в Тульчине» (*Quelques heures de loisir à Toulchin*, 1824), были воспитанниками Общества Иисуса или бывших его собратьев.

Не случайно среди упомянутых в предыдущем абзаце лиц большинство составляют писатели, изъяснявшиеся по-французски. Д. Оффорд, В. Ржеуцкий и Дж. Арджент справедливо выделяют русскую литературу на французском языке как особую тему. Ее корпус чрезвычайно велик, и для удобства изложения материала авторы подразделяют его на три типа по характеру адресатов. К первому типу относятся дневники, путевые заметки, альбомы, стихи на случай и проч., то есть тексты, написанные чаще всего женщинами из аристократических семей для чтения в узком кругу и для сплочения этого круга. Второй тип представлен художественными произведениями, адресованными широкому читателю и ставящими перед собой интеллектуальные и нравственные задачи большого общественного значения. В третий тип включаются публицистические тексты (эссе, статьи, памфлеты и т. д.), адресованные по преимуществу зарубежной публике, которая может познакомиться с русской жизнью на понятном ей французском языке. Внимательный анализ эго-текстов позволяет исследователям установить некоторые закономерности в переключении с русского языка на французский и наоборот (иноязычное заимствование или безэквивалентная лексика становятся спусковым механизмом такого перехода), в смене языковых предпочтений от поколения к поколению в одном роду (на примере Воронцовых, Мансуровых, Рубинштейнов). Но интерпретации языкового материала в этой главе не всегда получаются удачными, прежде всего из-за излишней сосредоточенности на одном национальном контексте. Так, кажется, что в письмах А. С. Пушкина А. П. Керн переходы от «Вы» (vous) к «ты» (tu) обусловлены вовсе не влиянием русского словоупотребления (р. 346), а французской литературной и эпистолярной традицией. Самый яркий пример – переписка Юлии и Сен-Пре, героев «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо, надолго ставшая моделью для любовных писем [Grassi; Вольперт, с. 227]. Анализируя роман княгини З. А. Волконской «Славянская картина пятого века»

(*Tableau slave du cinquième siècle*), исследователи справедливо отмечают огромное значение для него «Истории государства Российского» и повестей Н. М. Карамзина (р. 391). Но, думается, не лишним было бы обратить внимание и на возможные переключки с франкоязычными историческими сочинениями о славянских древностях графа Я. Потоцкого и архиепископа Могилевского С. Богуша-Сестренцевича, выходящими в Петербурге в 1800–1810-е гг.

Названные упущения не мешают отметить важную функцию художественных, научных и публицистических текстов – сделать понятной для читающей европейской публики историческую и культурную специфику России. Но если граф Ф. В. Ростопчин, баронесса В.-Ю. Крюденер, княгиня З. А. Волконская или графиня Н. П. Головкина решали эту задачу частным способом, то правители страны видели здесь государственную миссию. Основания такой культурной политики, как показывают авторы, были заложены еще Петром I и активно развивались далее Елизаветой и Екатериной II. Для трансформации образа России, превращения ее в глазах европейцев из варварского края в цивилизованное государство, где процветают науки и искусства, избирались разнообразные ходы и приемы. Важнейшее место среди них занимали заказы хвалебных статей, в первую очередь в газетах, выходящих в германских городах и Нидерландах, а также организация периодических изданий в Санкт-Петербурге и Москве. Особое место авторы отводят деятельности двух баронов на российской службе – Генриха фон Гюйссена и Теодора-Анри де Чуди. Их пример подтверждает, что французский язык был главным, но не единственным средством культурной пропаганды в эпоху Просвещения.

Если периодика была способна постоянно напоминать о состоянии дел в России, то объемные полемические сочинения преследовали глобальные цели: дать официальную версию важных внутривнутриполитических событий, как в случае с «Достоверным донесением о том, что произошло в судебном разбирательстве против царевича Алексея...» (*Relation fidelle de ce qui s'est passé au sujet du jugement rendu contre le prince Alexei...*), опровергнуть несправедливые наветы, подобно «Антидоту» Екатерины II, или даже переписать историю. Такова была задача Вольтера в «Истории Российской империи при Петре Великом» (*Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*). Разбору этой книги авторы уделяют много места, поскольку в ней отразились все достоинства и недостатки заказных славословий на французском языке. С одной стороны, фернейский патриарх выгодно подчеркивает культурные и политические достижения молодой империи. Но, с другой, противопоставляя «обновленную» петровскую и послепетровскую державу старозаветной Московии, Вольтер подспудно намекает на ее исконную принадлежность Азии, а не Европе, изначальную непохожесть на Запад и, по мнению самих русских, этим лишь укрепляет миф об инаковости России.

Трансформации облика государства в глазах Европы могли служить не только исторические сочинения и политические трактаты, но также литературные труды. В таком свете авторы представляют переводы произведений А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. А. Озерова, И. А. Крылова на французский язык, инспирированные императорским тронem или приближенными к нему лицами – И. И. и А. П. Шуваловыми, Г. В. Орловым. Достижения художественной литературы, подчеркивают исследователи, представлялись царской властью в «долгом» XVIII в. как важная составляющая национального престижа. Громко зазвучав по-французски, русские поэты и драматурги должны были доказать, что их отечество может быть понято в мире и принято в ряд государств, где управление устроено на гуманистических основаниях.

После 1812 г. решающее значение для культурно-политической пропаганды приобретают историософские и полемические трактаты, которые включают российский вопрос и в большое время европейской культуры, и в актуальную политическую и экономическую повестку дня. В этом контексте рассматриваются произведения самого разного идеологического характера. Явным новшеством в XIX столетии выглядит употребление французского языка русскими литераторами для критики отечественной власти. Таковы «Философические письма» П. Я. Чаадаева, трехтомный труд Н. И. Тургенева «Россия и русские» (*La Russie et les Russes*), многочисленные статьи А. И. Герцена. Эти выпады, а также кризис, связанный с Крымской войной и польско-литовским восстанием 1863 г., вызывали к жизни ответную реакцию. Она прослеживается в известных статьях на французском языке Ф. И. Тютчева и А. С. Хомякова. Она также присутствует в многочисленных сочинениях барона Т. Фиркса, представляющих любопытный узнаваемый казус. Так, в трактате «Нигилизм в России» (*Nihilisme en Russie*, 1865) балтийский дворянин разоблачает аристократию, потерявшую связь с национальной культурой и воспроизводящую чуждые русскому духу образцы западного воспитания. Эти франкоязычные тексты интересны Д. Оффорду, В. Ржеуцкому и Дж. Арджент тем, что посредством включения в разнообразные культурные контексты они оказывали влияние на развитие и национального самосознания, и словесности на русском языке.

Последний проблемно-тематический блок переключает внимание читателя с функций франкофонии на ее восприятие в русской литературе. Всем памятен монолог Чацкого о «французике из Бордо», неожиданно почувствовавшем себя в России, как «в своей провинции». Однако насмешка Грибоедова была внятна не всем русским писателям. Похвалы французской культуре и литературе, не сводящиеся ни к слепому почитанию, ни к поверхностному подражанию, можно отыскать в стихах В. К. Третьяковского и В. Л. Пушкина, «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина и автобиографических

записках И. М. Долгорукова. К сожалению, об этом своеобразном притяжении в книге не сказано почти ничего.

Вместе с тем, много и убедительно написано об отторжении. В качестве наиболее ярких примеров галлофобии представлены комедии А. П. Сумарокова, И. П. Елагина, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина, В. И. Лукина, Д. И. Хвостова. В них проникновение французского языка в русскую жизнь приводит не только к поистине вавилонскому смешению наречий, но и к порче нравов и утрате дворянством своего достоинства. Осмеяние бездумного подражания чужим словам и привычкам не ново для европейской драматургии Просвещения, и, как верно отмечено в монографии, русские авторы сами заимствуют комические ситуации и типажи у французских комедиографов. Но зависимость А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина или Я. Б. Княжнина от иноязычных образцов, на наш взгляд, гораздо сильнее. У А.-Р. Лесажа и П. де Мариво язык также является важным социальным маркером [Deloffre, p. 157–191], и в смешном виде зачастую предстают те персонажи, что берутся говорить на языке, чуждом их кругу. Авторы дают весьма убедительные и оригинальные интерпретации взгляда на русскую франкофонию в «Рославле» А. С. Пушкина, «Княжне Мими» В. Ф. Одоевского, комедии К. С. Аксакова «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню». Здесь также обнаруживаются парадоксальные сходства в точках зрения Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова на место французского языка в русской культуре. Особенно продуктивным выглядит определение галлофобии Ф. В. Ростопчина, выраженной и на русском, и на французском языке, как проявления двойственной идентичности, характерной для русской аристократии XVIII–XIX вв.

Это «раздвоение», не вызывающее конфликта в сознании людей павловской и александровской поры, вызывает неприязнь и недоумение у последующих поколений. В качестве иллюстрации исследователи выбирают восприятие билингвизма в известных русских романах. Употребление или упоминание французского языка в «Дворянском гнезде» и «Дыме» И. С. Тургенева, «Войне и мире» и «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, «Бесах» и «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского рассматриваются как ключ к интерпретации персонажей и способ критического отношения к недостаткам русской культуры и русского общества. Один из главнейших изъянов эти три столь разных писателя видят в двойственности характера русской аристократии, ее чрезмерной увлеченности чужим в ущерб национальному.

Подводя черту истории франкофонии в России анализом романов, изображающих жизнь до 1861 г., Д. Оффорд, В. Ржеуцкий и Дж. Арджент отмечают наступление перелома в общественном сознании. Травматический опыт Крымской войны, социальная и экономическая модернизация выводят на первый план национальную проблематику в литературе, публицистике и политических дебатах и способствуют преодолению зависимости от иноязычных и инокультурных образцов. Однако, как утверждают авторы книги, эти изменения были бы

невозможны без значительного влияния французского языка, его активного использования в частном и профессиональном общении, в художественной литературе и публицистике, в образовании и науке, дипломатии и администрировании в предыдущие десятилетия.

Завершая рассмотрение судьбы французского языка в Российской империи 1861 годом, Д. Оффорд, В. Ржеуцкий и Дж. Арджент допускают некоторое упрощение. Трудно оспорить тезис о падении престижа дворянского сословия и, следовательно, французского языка как его символического признака в последние десятилетия XIX в.³ Но значит ли это также, что пошло на спад и использование французского языка на всей территории империи всеми ее сословиями? Позволим себе усомниться в этом, вспомнив известные красноречивые случаи «европейского воспитания» В. Д. Римской-Корсаковой [Gretchanaia] и С. Ф. Ростопчиной, Э. Г. Штакельберга и А. П. Голицына, М. К. Башкирцевой и И. Л. Немировской, М. И. Цветаевой и Э. Триоле (урожденной Э. Ю. Каган), чьи произведения были востребованы и во Франции, и в России. Не менее весомый аргумент – массовая эмиграция после революции 1917 г. во Францию и адаптация там как культурной элиты [Ливак; Ливак, Устинов], так и представителей иных слоев русского общества. Следовательно, владение французским языком, перестав быть признаком привилегированного сословия, во второй половине XIX – начале XX в. стало в России отличительной чертой хорошо образованного человека.

Замеченные изъяны не ставят под вопрос основательность всего интеллектуального сооружения, возведенного Д. Оффордом, В. Ржеуцким и Дж. Арджент. Отвергая обыденное представление о французском как о своего рода адамическом наречии русской аристократии, исследователи не ограничиваются развенчанием мифа. Они представляют обширную детальную картину социальных связей внутри полиэтничного многоязычного общества Российской империи, демонстрируют процесс конструирования национальной идентичности и установления политических и культурных контактов с Западной Европой, опосредованных французским языком.

Список литературы

- Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. СПб. : Алетей, 2007. 576 с.
- Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски : русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М. : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.
- Заборов П. Р.* Парижские письма А. П. Шувалова // Век Просвещения. Вып. 5. География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М. : Наука, 2015. С. 281–307.
- Ливак Л., Устинов А.* Литературный авангард русского Парижа : история, хроника, антология, документы, 1920–1926. М. : ОГИ, 2014. 990 с.

³ «...After this date [1861] the prestige of the noble estate, of which nobles' use of French among themselves was a symbolic indicator, was on the wane» (p. 12).

Лотман Ю. М., Розенцвейг В. Ю. Русская литература на французском языке : французские тексты русских писателей XVIII–XIX веков. Wien : Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1994. 545 с.

РГИА. Ф. 822. Оп. 11. Д. 911.

Craveri B. *La Civiltà della conversazione*. Milano : Adelphi, 2001. 651 p.

Deloffre F. *Une préciosité nouvelle : Marivaux et le marivaudage*. Genève : Slatkine Reprints, 1993. 617 p.

Evstratov A. *Les Spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796) : l'invention d'une société*. Oxford : Voltaire Foundation, 2016. XX, 390 p.

Fumaroli M. *Quand l'Europe parlait français*. Paris : Éd. de Fallois, 2001. 489 p.

Grassi M.-C. *L'Art de la lettre au temps de la Nouvelle Héloïse et du romantisme*. Genève : Slatkine, 1994. 367 p.

Gretchanaia E. *La Sainte Russie et la grâce française : Une Saison à Paris de Varvara Rimaskaia-Korsakova // La Francophonie européenne aux XVIIIe–XIXe siècles / sous la dir. de E. Gretchanaia, A. Stroev, C. Viollet*. Bruxelles : Peter Lang, 2012. P. 237–245.

Livak L. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France : A Bibliographical Essay*. Montreal : McGill-Queen's Univ. Press, 2010. VIII, 542 p.

Markovits R. *Civiliser l'Europe : politiques du théâtre français au XVIIIe siècle*. Paris : Fayard, 2014. 400 p.

Rouët de Journal M.-J. *Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg (1800–1816)*. Paris : Perrin et Cie, 1922. 323 p.

Offord D., Rjéouuski V., Argent G. *The French Language in Russia : A Social, Political, Cultural, and Literary History*. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2018. 702 p.

Viala A. *La France galante : essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution*. Paris : Presses Universitaires de France, 2008. 540 p.

[Voltaire]. *L'Ingénu, histoire véritable tirée des manuscrits du Père Quesnel*. Utrecht [Genève : Cramer], 1767. VIII, 240 p.

Voltaire, Catherine II : *Correspondance 1763–1778 / éd. A. Stroev*. Paris : Non Lieu, 2006. 372 p.

References

Craveri, B. (2001). *La Civiltà della conversazione*. Milano, Adelphi. 651 p.

Deloffre, F. (1993). *Une préciosité nouvelle : Marivaux et le marivaudage*. Genève, Slatkine Reprints. 617 p.

Evstratov, A. (2016). *Les Spectacles francophones à la cour de Russie (1743–1796) : l'invention d'une société*. Oxford, Voltaire Foundation. XX, 390 p.

Fumaroli, M. (2001). *Quand l'Europe parlait français*. Paris, Éditions de Fallois. 489 p.

Grassi, M.-C. (1994). *L'Art de la lettre au temps de la Nouvelle Héloïse et du romantisme*. Genève, Slatkine. 367 p.

Gretchanaia, E. (2012). *La Sainte Russie et la grâce française : Une Saison à Paris de Varvara Rimaskaia-Korsakova*. In Gretchanaia, E., Stroev, A., Viollet, C. (Eds.). *La Francophonie européenne aux XVIIIe–XIXe siècles*. Bruxelles, Peter Lang, pp. 237–245.

Gretchanaia, E. P. (2010). *Kogda Rossiya govorila po-frantsuzski. Russkaya literatura na frantsuzskom yazyke (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [When Russia Spoke French. Russian Literature in the French Language (18th – Early 19th Centuries)]. Moscow, Institut mirovoi literary RAN. 382 p.

Livak, L. (2010). *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France : A Bibliographical Essay*. Montreal, McGill-Queen's Univ. Press. VIII, 542 p.

Livak, L., Ustinov, A. (2014). *Literaturnyi avangard russkogo Parizha. Istoriya, khronika, antologiya, dokumenty, 1920–1926* [The Literary Avantgarde of Russian Paris. History, Chronicle, Anthology, Documents, 1920–1926]. Moscow, Ob'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo. 990 p.

Lotman, Yu. M., Rosenzweig, V. Yu. (1994). *Russkaya literatura na frantsuzskom yazyke. Frantsuzskie teksty russkikh pisatelei XVIII–XIX vekov* [Russian Literature in the

French Language. French Texts of 18th–19th-Century Russian Writers]. Wien, Gesellschaft zur Förderung slavistischer Studien. 545 p.

Markovits, R. (2014). *Civiliser l'Europe : politiques du théâtre français au XVIIIe siècle*. Paris, Fayard. 400 p.

Offord, D., Rjéoutski, V., Argent, G. (2018). *The French Language in Russia: A Social, Political, Cultural, and Literary History*. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press. 702 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 822. List 11. Dos. 911.

Rouët de Journel, M.-J. (1922). *Un Collège de Jésuites à Saint-Petersbourg (1800–1816)*. Paris, Perrin et Cie. 323 p.

Stroev, A. (Ed.). (2006). *Voltaire, Catherine II : Correspondance 1763–1778*. Paris, Non Lieu. 372 p.

Viala, A. (2008). *La France galante : essai historique sur une catégorie culturelle, de ses origines jusqu'à la Révolution*. Paris, Presses Universitaires de France. 540 p.

Vol'pert, L. I. (2007). *Pushkinskaya Frantsiya* [Pushkin's France]. St Petersburg, Ale-teiya. 576 p.

[Voltaire]. (1767). *L'Ingénu, histoire véritable tirée des manuscrits du Père Quesnel*. Utrecht [Genève, Cramer]. VIII, 240 p.

Zaborov, P. R. (2015). Parizhskie pis'ma A. P. Shuvalova [A. P. Shuvalov's Letters from Paris]. In *Vek Prosveshcheniya*. Iss. 5. Geografiya epokhi Prosveshcheniya: mezhdru voobrazheniem i real'nost'yu. Moscow, Nauka, pp. 281–307.

The article was submitted on 21.04.2020